

Г. Клейнер

От «экономики физических лиц» к системной экономике*

В статье рассматривается эволюция российской экономики с точки зрения состава ключевых акторов экономического развития. Вводится понятие генерального актора как преобладающего типа относительно самостоятельных социально-экономических подсистем, оказывающих определяющее влияние на функционирование национальной экономики. Прослеживается движение отечественной экономики от «экономики государства» к «экономике физических лиц» и далее к «экономике социально-экономических и административно-политических систем». Отмечены предпосылки возможного перехода хозяйства страны в фазу гармонизированной системной экономики, характеризующейся высоким уровнем координации разномасштабных и разнокачественных подсистем экономики и общества.

Ключевые слова: ключевые акторы, генеральный актор, экономика физических лиц, экономика социально-политических систем, системная экономика.

JEL: E02, E03.

Введение

Непросто дать обобщенную, емкую и одновременно лаконичную характеристику того или иного периода в развитии отечественной экономики (см.: Нуреев, 2003; Гайдар, 2008; Абалкин, 2007; Mintz, Schwartz, 1985). «Социалистическая экономика», «плановая экономика», «командно-административная экономика», «карточная экономика», «военная экономика», «переходная экономика», «смешанная экономика», «рыночная или квазирыночная экономика», «государственно-капиталистическая экономика», «олигархическая экономика», даже «полицэкономика» — каждая из этих характеристик отражает одну из важных черт, свойственных отечественной экономике в одном или нескольких периодах. Вместе с тем этот перечень не систематизи-

---

Клейнер Георгий Борисович (george.kleiner@inbox.ru), д. э. н., проф., член-корр. РАН, замдиректора Центрального экономико-математического института РАН, завкафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

* Работа подготовлена за счет гранта РНФ, проект № 14-18-02294 (организация — получатель средств — ЦЭМИ РАН).

рован, не опирается на единые основания классификации и тем самым не может использоваться для описания эволюционной периодизации развития экономики. Задача состоит в том, чтобы выделить свойство экономики, динамика которого носила бы закономерный характер и позволяла сформировать «параметрический ряд» для отражения эволюции существенных качеств экономики как последовательности ее узловых этапов.

Чтобы охарактеризовать динамику экономики, мы предлагаем ввести понятие «генеральный актер», понимая под ним тип преобладающих относительно самостоятельных и консолидированных социально-экономических подсистем, оказывающих определяющее влияние на результаты функционирования национальной экономики в данном периоде. Такие генеральные акторы могут относиться к микроуровню экономики (хозяйствующие субъекты), к мезоуровню (отрасли или регионы) или к макроуровню (Администрация Президента, Правительство, ЦБ и другие федеральные органы власти) или даже находиться вне страны — в случае вариантов «внешнего управления экономикой». По типу генерального актора естественно называть соответствующий период развития экономики.

Согласно результатам в: Клейнер, 1996, после ряда трансформаций, в ходе которых масштабы генерального актора отечественной экономики последовательно сокращались, она перешла от стадии «экономики государства» к «экономике физических лиц», где роль генерального актора исполнял индивидуальный участник процессов производства, потребления, распределения и обмена. «Экономика физических лиц», достигшая апогея в перестроечный и постперестроечный периоды, к середине 2000-х годов еще сохраняла свое влияние (Клейнер, 2004). Состояние движущих сил экономики стало предельно «атомизированным». Понятно, что «отскок» предполагает передачу «эстафетной палочки» от одного лидирующего актора другому, однако выбор остается неопределенным. В: Клейнер, 2004, был предложен прогноз развития структуры самостоятельных акторов экономики и конкуренции за позицию генерального актора в ближайшие 15 лет. Однако сегодня ясно: предположение о том, что генеральным актором отечественной экономики станет предприятие-товаропроизводитель, не оправдалось. Соответственно должны быть определены меры экономической политики, основанные на корректировке этого прогноза.

В настоящей работе анализируются динамика акторов отечественной экономики и последовательность смены генерального актора, показано, что вслед за «экономикой физических лиц» наступила фаза «экономики групп собственников», где роль генерального актора играют консолидированные группы собственников производственных активов. Эта фаза, в свою очередь, уступает место «экономике социально-политических систем», где акторами выступают разнообразные политические, социальные, административные и хозяйственные системы. Здесь контроль за поведением товаропроизводителя переходит в руки внешних по отношению к нему субъектов, что возвращает экономику к аналогу одного из пройденных в XX в. режимов — административно

управляемой экономике. Обоснована позиция, согласно которой дальнейшее развитие структуры экономики должно идти в направлении возврата к самостоятельности («суверенитету») предприятия как производителя и потребителя продукции. Одновременно необходимы меры по институционализации и всесторонней координации прав и ответственности влиятельных социально-политических систем, базирующиеся на внедрении полномасштабного и многопериодного стратегического планирования. Такую стадию развития можно охарактеризовать как системную экономику.

Ключевые акторы отечественной экономики: историческая траектория

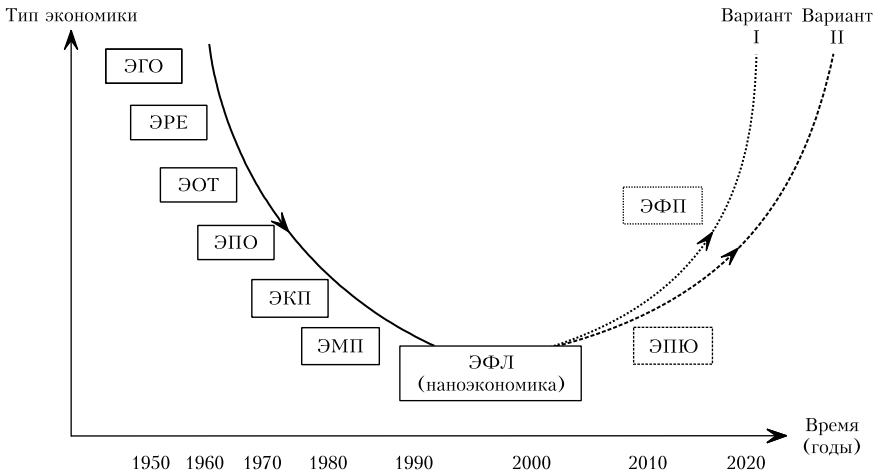
Преобразования либерализационного толка, проведенные в отечественной экономике на рубеже XX–XXI вв., можно рассматривать как завершающий этап в последовательности более или менее однонаправленных изменений субъектной архитектуры отечественной экономики, берущих начало в период первых пятилеток. Для каждого этапа был характерен свой генеральный актор.

К началу 1940-х годов в советской экономике единственной движущей силой и одновременно генеральным актором развития было государство, которое регулировало все экономические процессы в стране посредством системы централизованного планирования. Это позволяет кратко охарактеризовать данный период (его начало можно условно отнести к 1929 г.) как «экономику государства». В последующий период, начавшийся в конце 1950-х годов, роль генерального актора стали играть экономические районы, в результате сформировалась «экономика регионов» (представители — региональные Советы народного хозяйства). Затем эстафета была передана отраслям, которые были представлены соответствующими министерствами («экономика отраслей»). В дальнейшем роль драйверов экономики перешла к главным управлениям министерств, а затем — к всесоюзным промышленным объединениям, отвечавшим за работу подотраслей (или чистых отраслей). Возникшая «экономика подотраслей» сменилась в середине 1970-х годов «экономикой крупных предприятий» (точнее, производственных и научно-производственных объединений), на смену которой в конце 1980-х годов пришла «экономика малых предприятий» (в том числе кооперативов). Дальнейшее разукрупнение ключевых акторов к началу 1990-х годов обусловило возникновение «экономики физических лиц», где самостоятельными акторами были отдельные индивидуумы — участники экономической деятельности, действовавшие в собственных интересах на свой страх и риск (Клейнер, 1996; 2004).

Пик развития «экономики физических лиц» пришелся на период с середины 1990-х до середины 2000-х годов. Это привело к потере почти половины валового внутреннего продукта. Переход роли генерального актора экономики к отдельному физическому лицу обусловил сужение пространственного и временного горизонта планирования и развития экономики.

Очевидно, что эта стадия последняя на пути минимизации размеров репрезентативного актора. После нее должен наблюдаться «отскок» — обратная тенденция к укрупнению ключевых акторов. В работе: Клейнер, 2004, было высказано предположение, что следующей за «экономикой физических лиц» станет стадия «экономики

**Этапы изменения субъектной архитектуры
отечественной экономики (вариант 2004 г.)**

Примечание. ЭГО — «экономика государства»; ЭРЕ — «экономика регионов»; ЭОТ — «экономика отраслей»; ЭПО — «экономика подотраслей»; ЭКП — «экономика крупных предприятий»; ЭМП — «экономика малых предприятий»; ЭФЛ — «экономика физических лиц»; ЭФП — «экономика физических предприятий»; ЭПЮ — «экономика предприятий (как юридических лиц)».

Источник: Клейнер, 2004.

Рис. 1

предприятий» — либо как обезличенных субъектов рынка — товаропроизводителей (ЭПЮ), либо как производственного актива конкретных собственников (ЭФП) (рис. 1). Отметим, что разграничение стадий на рисунке 1 носит условный характер: в реальности следующая стадия вызревает в недрах предыдущей, переход от одной стадии к другой происходит постепенно. Как мы увидим ниже, наш прогноз не оправдался.

**Ключевые акторы российской экономики:
реальность**

Становление системы корпоративного управления и развитие фондового рынка привели в начале 2000-х годов к резкому усилению роли собственников в управлении хозяйствующими субъектами. Овладев финансовыми потоками, освоив механизмы назначения генеральных директоров, они получили возможность определять поведение предприятий на товарных, финансовых и кадровых рынках. Интересы развития предприятия, как выяснилось, слабо коррелируют с интересами контролирующих групп собственников, что не способствовало консолидации внутрифирменного пространства.

С начала 2000-х годов центральное место в управлении предприятиями стали занимать их собственники. Они оттеснили от принятия стратегических решений «красных директоров», часть которых прев-

ратилась в собственников, а часть — в «полунаемных» менеджеров. Именно собственники или их консолидированные группы начали играть роль генеральных акторов экономики (поскольку в собственности одной группы может быть несколько предприятий, приходится говорить именно об «экономике консолидированных собственников», а не об «экономике предприятий»).

Для этой стадии характерны: низкая инвестиционная активность; ориентация предприятий на краткосрочные цели, индуцированные групповыми интересами собственников; вывод активов предприятий; невосприимчивость к инновациям; общее снижение конкурентоспособности предприятий ввиду переноса конкуренции между товаропроизводителями из сферы соперничества за потребителя за счет повышения качества и снижения цены в сферу борьбы за личное благорасположение представителей власти разных уровней, включая региональные и муниципальные органы, контролирующие организации, судебные инстанции и т. д. Все это существенно повышает уровень и увеличивает масштабы коррупции, поскольку при принятии решений на первый план выходит противостояние интересов групп физических лиц.

По своим экономическим последствиям данная стадия близка к «экономике физических лиц» и также носит промежуточный характер. Укрупнение основных акторов и расширение их состава представляются неизбежными.

В целом «экономика групп собственников» способствовала концентрации капитала, усилению расслоения общества. В: Клейнер, 2004, отмечалось, что к 2000-м годам «экономика физических лиц» еще продолжала свое «триумфальное шествие» по экономическому пространству и времени нашей страны. В некоторых аспектах общественно-политической жизни рудименты «экономики (а также политики и менеджмента) физических лиц» отчетливо видны и сейчас, во второй половине 2010-х годов, хотя атомизированная стадия уступила место иному организационно-экономическому укладу.

Ключевые акторы отечественной экономики: ростки и предпосылки будущего

Сегодня можно говорить, что состав ключевых акторов существенно усложняется, диверсифицируется и отдаляется от состава предприятий-товаропроизводителей. Структура и действия ключевых акторов становятся все менее определенными, стабильными и предсказуемыми. Соответственно усложняются система институтов, определяющих процессы производства, распределения, обмена и потребления благ, а также структура самих экономических благ. Общая причина этого — так называемое системное расширение понятия «экономический агент» и связанных с ним понятий. Речь идет о переходе прав принятия решений от предприятий к влиятельным структурам, аффилированным с ними в той или иной степени. Эти структуры и системы оттесняют на периферию экономической жизни и корпус большинства физических лиц, и популяцию большинства предприятий.

Анализ текущего состояния и зарождающихся тенденций социально-экономической динамики позволяет сделать следующие выводы о значимости системного фактора в архитектуре современной российской экономики.

1. *Системное расширение понятия «экономический агент».* В ситуациях противостояния интересов хозяйствующих субъектов или физических лиц выигрывает сторона, которую гласно или негласно поддерживает более влиятельная социально-экономическая или административно-политическая система. В качестве таковых могут выступать: органы региональной власти и муниципального управления, государственные и крупные акционерные корпорации, политические партии, религиозные объединения, семейные и национальные кланы, сетевые структуры, в том числе сетевые сообщества и иные социально-экономические и административно-политические системы. Эти системы оказывают определяющее влияние на экономическое поведение предприятий. Таким образом, крупномасштабные системы начинают замещать в пространстве экономических решений отдельных более мелких участников делового оборота.

Нарушается принцип равноправия субъектов рынка и социума. Социально-экономическое пространство становится принципиально гетерогенным, понятие экономического агента размывается. Генеральным актором экономики оказывается в общем случае экономическая, социальная, административно-политическая или какая-либо подобная система (далее — социально-политическая система). Политика (в широком смысле слова) доминирует над экономикой практически на всех уровнях управления.

2. *Системное расширение понятия «собственность».* История развития страны в течение последних 25 лет заставляет говорить о кризисе одного из фундаментальных концептов современной экономики — понятия собственности — как в теоретическом, так и операциональном смыслах (см. также: Львов и др., 2001; Устюжанина, 2006). В теоретическом плане понятие «собственность» утратило конкретность ввиду недостаточной определенности понятия «субъект собственности», о чем говорилось выше. Если товаропроизводитель теряет возможность самостоятельно распоряжаться и пользоваться своей продукцией, и это право гласно или негласно передается некоторым связанным с предприятием социально-политическим системам, то понятие «субъект собственности» практически разрушается. Это связано в том числе с тем, что многие из таких влиятельных систем не имеют формального статуса и не несут ответственности за свои действия или бездействие. В результате формальное право собственности заменяется расплывчатыми установками и неформальными «понятиями». Необходимо концептуализировать понятие системного лица, то есть социально-экономической системы как полноценного участника делового оборота, обладающего правами и несущего ответственность. Соответственно должно приобрести формальные очертания понятие «системная собственность».

В практическом плане право собственности в значимом числе ситуаций превращается из монолитного в структурированное, то есть расщепленное на отдельные взаимосвязанные правомочия: владения,

распоряжения, пользования (иногда используется более дробная структура, см.: Nonore, 1961). Таким образом, возникает системное расширение понятия собственности как по субъекту собственности, так и по ее объекту. В целом можно говорить о системологии собственности как о научно-практическом направлении ее системного анализа.

3. *Системное расширение объекта собственности (блага)*. В перечне благ на первое место выходит принадлежность к влиятельной социально-экономической системе. Уже сейчас аффилиация с ней во многих случаях играет более важную роль, чем непосредственные функциональные возможности агента. Так, возможность приобщиться к числу лиц, которым положены скидки или льготы при покупке товара, играет в поведении покупателя более важную роль, чем цена товара («скидка важнее цены»). Рентоориентированное поведение, распространенное в современном обществе, также представляет собой не что иное, как стремление к аффилированности с определенной системой, контролирующей доступ к распределению благ.

В современном обществе совокупность потребляемых благ расширяется за счет усиливающегося распространения так называемых клубных благ, то есть неконкурентных и исключаемых благ, доступных только членам определенных сообществ (см. также концепцию социального кластеризма в: Макаров, 2010). В последнее десятилетие резко возросла роль сетевых благ — продуктов, потребляемых системно, в комплекте с рядом дополняющих продуктов. Полезность потребления сетевых благ не убывает, а возрастает по мере увеличения числа пользователей. Клубные, сетевые и подобные типы благ можно объединить в рамках понятия «системные блага», понимая под этим аффилированность с некоторой социально-экономической системой. Таким образом реализуется системное расширение совокупности создаваемых, распределяемых, обмениваемых и потребляемых в экономике благ и соответственно самого понятия «благо».

Существенное возрастание полезности таких благ в экономике свидетельствует о наступлении ее новой стадии — «экономики социально-экономических и административно-политических систем». Генеральными акторами такой экономики становятся влиятельные социально-экономические и административно-политические системы.

Ключевые акторы российской экономики: тенденции

Проследившая динамику смены генеральных акторов экономики, можно выделить момент перехода управления предприятием от внутрифирменных факторов к внефирменным. В массовом масштабе этот момент связан с переходом от «экономики физических лиц» к «экономике групп собственников». Проявления такой формы управления можно было видеть и в создании формальных и неформальных финансово-промышленных групп, и в организации холдингов, бизнес-ассоциаций, региональных кластеров, учреждении госкорпораций, и в расцвете олигархических межотраслевых бизнес-империй.

В ряде социальных и экономических ситуаций персональная ответственность заменяется ответственностью определенной социально-политической системы. Речь идет, в частности, о практике коллективной ответственности, возлагаемой на родственников человека, совершившего противоправные действия. (Например, в некоторых странах практикуется разрушение семейных жилищ лиц, признанных террористами; да и сам террор основан на «системном расширении» ответственности.) К тому же виду действий относится введение санкций против той или иной страны в качестве наказания за действия ее отдельных должностных лиц. В ряде случаев ответственность за террористические акты добровольно принимают на себя те или иные социально-политические системы. Принцип персональной ответственности нарушается и в ситуациях наследования имущества, когда, условно говоря, «сын отвечает за отца»: вступая в права наследства, наследники принимают на себя долговые обязательства наследодателя.

Системы, как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые, локализованные в пространстве и/или во времени либо не имеющие определенной локализации, начинают входить в сферу общественного внимания как важные факторы его функционирования и существенные компоненты социально-экономического и политического ландшафта (отметим появившиеся в последние годы выражения «системная оппозиция» или «внесистемная оппозиция»). Все это в целом говорит о наступлении новой стадии в социально-экономическом развитии страны (подобные явления можно зафиксировать и в других странах) — «экономики социально-экономических и административно-политических систем». Совокупность генеральных акторов такой экономики резко расширяется и включает многочисленные наблюдаемые и ненаблюдаемые, формальные и неформальные, долговременные и краткосрочные системы в сфере экономики, политики, администрирования и права. Эта стадия имеет ряд особенностей по сравнению с предшествующими.

Высокая неоднородность корпуса ключевых акторов экономики. В число влиятельных социально-экономических и административно-политических систем входят макро-, мезо-, микро- и наноуровневые, а также межуровневые системы типа государственно-частных партнерств, системы проектного типа, локализованные в территориальном пространстве и календарном времени, общественные организации и движения и т. п. На данной стадии развития каждая из этих систем при определенных условиях может стать самостоятельным игроком в пространстве производства, распределения, обмена и потребления благ. Отметим, что неоклассическая парадигма экономики опирается на предположение о качественной однородности агентов при количественном различии их параметров. Модель «экономики социально-политических систем» допускает не только количественное, но и качественное разнообразие акторов.

Неопределенность прав и ответственности акторов. Во всех предшествующих социально-экономических укладах самостоятельный актер имел четкие границы в социально-экономическом пространстве для реализации своих прав и ответственности. В условиях системного

расширения понятия агента за счет неформальных систем локализация прав и ответственности становится расплывчатой.

Дополнительную неопределенность приобретают статистические данные экономического характера. В «экономике социально-политических систем» предприятие как целостный экономический объект, исполняющий функции товаропроизводителя (исполнителя услуг, работ), уступает право принимать самостоятельные рыночные решения тем или иным социально-экономическим или административно-политическим системам. В этой ситуации не имеет смысла говорить о полноценной рыночной экономике.

Оценивая результаты функционирования двух перечисленных стадий отечественной экономики, отметим, что одним общим для них источником проблем оказывается отсутствие удовлетворительных механизмов синтеза социальных и экономических факторов развития. Недостаточно четкая структурированность социально-экономического пространства, отсутствие однозначных разграничений между правами и обязанностями для физических должностных лиц (руководителей производства), с одной стороны, и юридических лиц — с другой, не позволяют эффективно извлекать синергические эффекты из взаимодействия этих участников социально-экономических систем. Между тем именно системы с высоким уровнем социальной компоненты становятся ключевыми фигурами в структуре экономического пространства времени на следующей стадии развития отечественной экономики.

Если основными самостоятельными акторами «экономики физических лиц» выступают социальные субъекты — индивидуумы, в «экономике групп собственников» — владельцы или консолидированные группы владельцев производственных активов, то в «экономике социально-политических систем» основными акторами становятся формализованные и неформализованные социально-политические системы — относительно автономные и устойчивые образования, включающие физических и юридических лиц, внутрисистемные институты и регламенты, материальные и нематериальные блага и т. д. В число таких систем входят предприятия, объединения предприятий, отрасли, кластеры, регионы, крупные инвестиционные проекты, сетевые структуры, семейные и родовые кланы и т. п. «Инсайдерами» в таких системах выступают физические лица, аффилированные с данными системами и влияющие на ход и результаты их функционирования.

Популяция социально-политических систем разнообразна, однако наиболее значимо разделение систем на четыре группы: объектного, проектного, средового и процессного типов (Клейнер, 2013а). В связи с этим возникает вопрос о доминирующем типе систем, определяющих развитие экономики. Если будут доминировать проектные (событийные) системы, четко локализованные во времени и пространстве, то стадия «экономики социально-политических систем» станет «эпохой перемен». Если доминирующая роль будет отдана средовым системам, не имеющим определенных границ во времени и пространстве, то настанет «эпоха застоя» — период стабилизации общественных отношений. В последнем случае будет наблюдаться наибольший контраст с «экономикой физических лиц». Доминирование объектных систем

может быть охарактеризовано как «корпоративная экономика», а процессных — как «переходная экономика».

Подчеркнем: хотя социально-политические системы начинают играть значимую роль в отечественной экономике, ее институциональное сопровождение не позволяет рассматривать современную российскую экономику как системную. Подавляющая часть систем не имеет статуса субъекта экономики. Это относится ко многим проектным системам (так появляются фирмы-однодневки); процессные системы, реализующие бизнес-процессы или связанные с распространением новшеств, как правило, не имеют статуса юридического лица (часто применяемое понятие владельца бизнес-процесса имеет метафорический характер и не формализуется; то же можно сказать и о большинстве инфраструктурных в широком смысле (средовых) систем, например, об Интернете).

Отметим, что наше предположение о том, что следующей за «экономикой физических лиц» может стать стадия «экономики предприятий» (см.: Клейнер, 2004, 2008), не оправдалось. Становления предприятий как самостоятельных, целостных и суверенных в известном смысле субъектов рынка в России не произошло из-за неурегулированности проблем взаимоотношений элиты и общества, слабости судебной системы, шаткости институтов защиты прав собственности. Процесс формирования популяции основных акторов экономики пошел в обход нормативно-правового регулирования, через поле неформальных отношений и институтов. Ни «экономика физических лиц», ни «экономика групп собственников» не могли способствовать созданию популяции предприятий как полноценных агентов рынка.

В настоящее время системная структура экономики и общества в целом сложилась, и социально-экономические и административно-политические системы разнообразных масштабов, видов, назначения и локализации заняли место значимых акторов экономики. Однако такая архаичная и неопределенная структура сдерживает развитие российской экономики. Межсистемная и межпериодная координация недостаточна, это приводит к неэффективному использованию ресурсов. При этом аффилированность конкретных фирм с той или иной системой не всегда очевидна и требует специальных исследований (см., например: Dzarasov, 2014).

С точки зрения развития классических экономических агентов — предприятий — стадия «экономики социально-политических систем» обладает определенными достоинствами по сравнению с предшествующей стадией, а также несет определенные риски для них. Если в «экономике групп собственников» реакция рынка на действия предприятия в значительной степени зависит от решения более или менее определенной и известной ему совокупности конкретных физических или юридических лиц-собственников и в значительной мере субъективна, то в «экономике социально-политических систем» эта реакция носит более объективный, закономерный, рыночный характер (например, обусловлена позицией соответствующего сетевого сообщества). В такой ситуации конкурентоспособность предприятий определяется эффективностью производства и качеством продукции, а не личными связями заинтересованных лиц. Повышение структурированности

рыночного и административного окружения предприятия позволяет ему существенно расширить временной и пространственный горизонты планирования.

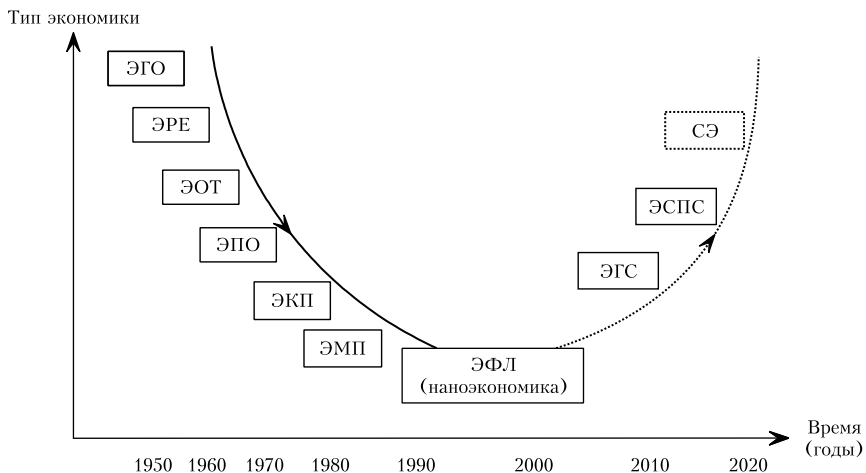
Риски предприятия в «экономике социально-политических систем» связаны в первую очередь с возрастанием сложности и стоимости маркетинга («системного маркетинга»), в том числе системного мониторинга рыночного и административного окружения. Поскольку влиятельные социально-экономические и административно-политические системы создают вокруг предприятия оболочку, слабо проницаемую как для рыночных сигналов, так и для информации о его деятельности, контакты между рынком и предприятием-товаропроизводителем ограничиваются, а товарная и ресурсная конкуренция теряет свое влияние на него. В целом наступление эры «экономики социально-политических систем» требует от предприятия существенно изменить маркетинговую и менеджерскую деятельность, расширить круг необходимых знаний о системной структуре его социально-экономического и административно-политического окружения, овладеть особыми технологиями системного маркетинга, менеджмента, лоббирования, PR и GR.

В сфере регулирования экономики мы также можем наблюдать параллельный процесс консолидации: стадия *хаотичного* управления (1990-е годы) сменяется стадией *«ручного»* (2000-е годы), которая после неудачных пока попыток организовать *стратегическое* управление находится на стадии *«локально-системного»*. Здесь управление отдельными социально-экономическими и административно-политическими системами носит локальный характер и демонстрирует низкую степень межсистемной координации (2010-е годы).

На стадии «экономики социально-политических систем» экономика приобретает мозаичную структуру как в пространстве, так и во времени. Границы между зонами и периодами влияния разнообразных социально-экономических и административно-политических систем трудно определить, они динамичны. (Данная стадия напоминает языческую картину мира, где каждое наиболее значимое явление природы управляется независимым божеством.) Следующая стадия призвана решить проблему координации процессов формирования, взаимодействия и трансформации локальных систем в экономике и обществе.

В настоящее время экономика находится на перепутье. Общество устало от бессистемности (см., например: Белов, 2010; Федоров, 2009). Можно констатировать наличие реальных предпосылок или даже спроса общества на переход страны в следующую фазу социально-экономического развития. Здесь возможна развилка. Логика указывает на вероятность наступления эры жесткой иерархической централизованной экономики (реинкарнация административно-командного регулирования). Однако не исключен (и желателен) иной сценарий, основанный на мягкой силе межсистемной и внутрисистемной координации. Мы назовем эту — предпочтительную — стадию «системной экономикой», имея в виду полноценную координацию и сбалансированность подсистем экономики и общества. Общая последовательность стадий представлена на рисунке 2.

**Последовательность этапов изменения субъектной архитектуры
отечественной экономики (вариант 2017 г.)**

Примечание. ЭГС — «экономика групп собственников»; ЭСПС — «экономика социально-политических систем»; СЭ — «системная экономика».

Источник: составлено автором.

Рис. 2

Системная экономика

Сформулируем кратко основные характеристики системной экономики как стадии развития общества, имея в виду, что детальное описание требует отдельной публикации. С понятием «системность» в социально-экономическом дискурсе ассоциируются такие характеристики, как целостность, непротиворечивость, связность, гармоничность, последовательность, преемственность, многомерная структурированность, устойчивость, иерархичность, субъектность, идентичность и т. п. Вместе с тем «системность» не означает «безбрежную связанность», то есть связанность всего со всем. В системной экономической теории (СЭТ) экономика предстает как популяция взаимодействующих социально-экономических систем (см.: Клейнер, 2013а), зоны влияния которых имеют более или менее четкие границы. В зависимости от особенностей каждой такой системы границы этих зон (прерогатив) определяются с помощью формальных норм или неформальных общественных соглашений. Попадающие в такую зону процессы или явления естественным образом связаны между собой, а находящиеся в разных зонах такой связью не ограничены. Таким образом, системность экономики — это одновременно ее и связность, и разделенность. Иными словами, системная экономика «хорошо» структурирована в пространстве и времени. Соответственно признаками развитой системной экономики как стадии движения реальной экономики служат следующие характеристики:

— целостность экономики как подсистемы общества наряду с такими общественными подсистемами, как социум, государство, бизнес (см.: Клейнер, 2013b);

— наличие механизмов согласования интересов акторов независимо от их масштабов (в том числе на базе механизмов многоуровневого системного стратегического планирования, объектами которого выступают не только экономические, но и социальные, административные, политические и другие системы);

— последовательность и непротиворечивость принимаемых на всех иерархических уровнях управленческих решений;

— баланс между разнообразием и однородностью во времени и пространстве (межпериодная преемственность и межзональная согласованность);

— согласованность критериев социальной справедливости и экономической эффективности, обеспечиваемая механизмами внутрисистемной координации в системах с длительным жизненным циклом (Клейнер, 2016b);

— возможность идентификации и каталогизации разнообразных социально-экономических систем и зон их влияния;

— четкое определение формально зафиксированных и неформально допустимых зон влияния социальных, экономических, административных и политических систем, мониторинг и контроль их соблюдения.

Отметим, что легитимизация и формализация систем разного уровня в качестве равноправных акторов экономики требуют существенного изменения законодательной и иной нормативной базы. Поскольку акторами могут быть системы с ограниченным жизненным циклом, вопрос об ответственности такого актора после окончания цикла за ранее совершенные действия становится особенно острым — здесь важны эффективные методы страхования ответственности систем проектного и процессного типов перед заинтересованными лицами и сообществами. Разграничение зон влияния социально-политических систем требует особых механизмов мониторинга и контроля за соблюдением обусловленных границ таких зон.

В основе системной экономики должна лежать идея равноправия экономических субъектов независимо от их размеров и экономических возможностей. Следование этому принципу налагает определенные ограничения на поведение экономических систем. Роль государства здесь состоит в контроле за соблюдением принципа равноправия, роль общества — в контроле за деятельностью государства в этом направлении. Фактически государство исполняет функции модератора, нормализующего взаимоотношения социально-политических систем разных масштабов и степени влияния.

Приведенные здесь основные характеристики системной экономики как предпочтительного состояния национальной экономики могут быть детализированы и доведены до конкретных, проверяемых показателей. Подчеркнем, что системная экономика не обязательно должна быть «хорошей» в смысле В. Л. Тамбовцева (2017).

В настоящее время среди стран, наиболее близко подошедших к данному состоянию, можно назвать Сингапур, Японию, Швецию, Норвегию. Нашей стране, отличающейся значительными размерами территории, разнообразием организационно-экономических укладов, амплитудой колебаний вектора исторического развития, предстоит пройти долгий путь, приближаясь к системной экономике.

Генеральный актер системной экономики

Все экономические системы в системной экономике равноправны, но некоторые из них, как принято говорить, «равнее» других. Предприятия как минимальные по масштабам организации, осуществляющие производство, реализацию продукции, распределение выручки и воспроизводство/восстановление расходуемых ресурсов и условий деятельности, в системной экономике должны играть роль базовых системообразующих компонентов. Можно уподобить предприятия генам, определяющим преемственность экономики при смене периодов. В широком смысле популяция предприятий выступает хранилищем «генофонда экономики».

Мы придерживаемся «фирмоцентричной» позиции, отдавая приоритет предприятиям перед макро- и мезоэкономическими системами, поскольку именно здесь концентрируются и непосредственно взаимодействуют силы и факторы экономического развития. Именно на предприятиях создается добавленная стоимость как результат синергических эффектов от соединения трудовых, материальных и иных ресурсов и способностей. Среди множества иных экономических систем предприятие играет созидательную или, можно сказать, творческую роль. Однако ни на одной из предшествующих стадий экономической динамики эта ведущая роль предприятия не могла быть полностью реализована по причинам либо внутрифирменного порядка («экономика физических лиц», «экономика малых предприятий»), либо внешнего давления на предприятие («экономика групп собственников», «экономика социально-политических систем»). Пропущенная стадия «экономики предприятий» не может быть реализована в период «экономики социально-политических систем», поскольку эти могущественные системы в силу сложившихся в стране условий фактически приватизировали право принимать решения по управлению значительным числом предприятий, обычно наиболее прибыльных или высококапитализированных. В условиях системной экономики возникает возможность, с одной стороны, консолидировать внутрифирменные силы на достижение целевых экономических результатов, а с другой — освободить предприятия от нерыночного давления и вмешательства в их деятельность.

При ограничении влияния на предприятие нерыночных факторов потребуется существенно изменить систему институтов, регулирующих деятельность социальных, экономических, административных и политических систем. Формальное ограничение зон их влияния на предприятие должно гарантироваться государством, которое в рамках своих функций модератора устанавливает соответствующие границы, осуществляет мониторинг и контроль их соблюдения, способствует созданию законодательства в сфере защиты предприятий от необоснованного вмешательства. Что касается неформального воздействия на предприятие со стороны нерыночных структур, то контроль в этой сфере необходимо возложить на общество. Его нетерпимость к превышению полномочий — единственная гарантия соблюдения суверенитета предприятия. Основой для нормализации отношений зависимости/

независимости одних участников системной экономики от других должен стать институт репутации. Нарушение границ допустимой зоны влияния («телефонное право») и подобные нарушения этики деловых отношений должны выявляться и осуждаться обществом. Возможно, важную роль здесь могла бы сыграть Общественная палата как орган, концентрирующий мнения граждан по наиболее значимым общественным проблемам.

В целом положение предприятия в системной экономике можно охарактеризовать, используя жюль-верновскую метафору, как «подвижное в подвижном», если иметь в виду его возможности самостоятельно двигаться в когерентном взаимодействии с изменяющейся рыночной средой. Как представляется, именно такое сочетание свободы, координации и конкуренции описывал в своих трудах Ф. Найт (2009).

На гипотетической стадии системной экономики в условиях эффективной координации деятельности и сбалансированности «мощности» социально-политических систем появляется возможность обеспечить необходимый уровень автономности предприятия — его «суверенитет» (при уточнении условий принадлежности данного предприятия к числу полноправных экономических субъектов; такие условия связаны с продолжительностью и активностью функционирования предприятия как экономического субъекта, численностью занятых на нем и т. п.). Предприятие должно занять позицию генерального актора системной экономики, что предполагает защиту от необоснованного давления на его решения со стороны административных и политических систем. Надо полагать, что реализовать подобные требования можно лишь на стадии зрелого развития системной экономики. Тем не менее этот «образ будущего» — возможная и предпочтительная экстраполяция формирующихся сейчас тенденций.

Заключение

Предложенные в данной работе типология и концепция динамики организационно-экономических укладов значительно отличаются от традиционных исследований на эту тему в рамках концептуального мейнстрима. В неоклассической, институциональной, эволюционной парадигмах в качестве основной единицы анализа рассматривают соответственно организацию, институт (вместе с механизмами инфорсmenta), механизмы межпериодного сохранения и наследования генетических признаков в данной популяции агентов. В предложенном подходе основной единицей исследования выступает социально-экономическая система, включающая людей, внутрисистемные институты, сложившиеся традиции и тенденции, а также материальные и нематериальные блага, связанные с участниками системы определенными отношениями «субъект — объект», «объект — объект» и «субъект — субъект».

Разнообразие социально-экономических систем, включаемых в исследование, с одной стороны, обеспечивает полноту изучения реальности, возможность проследить межзональные и межпериодные связи в экономическом пространстве-времени, а с другой — затрудняет

таксономию и классификацию ее компонент. Соответственно в ортодоксальном дискурсе периодизация экономической динамики может базироваться на изменении либо объектной (организационной), либо средовой (институциональной), либо генетической (эволюционной) структуры экономики. В рамках предлагаемого подхода, ориентированного на поиск закономерностей в динамике генеральных акторов экономики, необходимо обратиться к системной парадигме и когерентному анализу широкого множества социальных, экономических, административных и политических систем. В целом движение от раздельного рассмотрения динамики и ролевых функций организаций, институтов, механизмов эволюции к совместному анализу в рамках социально-экономических и административно-политических систем отражает общую тенденцию к расширению горизонта исследований социально-экономических явлений.

Для эффективного функционирования отечественной экономики в XXI в. как системной уже сегодня должны быть приняты меры по разработке новой экономической парадигмы в области экономической теории, политики, управления экономикой, практической экономической деятельности применительно к стадии, когда основным актором экономики станет социально-политическая система. Системная экономическая теория призвана не только абсорбировать и соответствующим образом модифицировать положения неоклассической, кейнсианской, институциональной и эволюционной теорий, а также политической экономии социализма, но и операционализировать такие концепты, как системное социально-экономическое мировоззрение, системное управление, системный мониторинг, системная сбалансированность, системная координация, системная оптимизация и т. п. (см.: Клейнер, 2015; 2016а). Разумеется, для выполнения масштабной и разнообразной программы перехода к системной экономике требуются серьезные и скоординированные усилия экономистов, юристов, политиков, управленцев. В ходе этого процесса можно ожидать повышения консолидации российского общества.

Понятие «экономика» в русском языке раскрывается через четыре дополняющих друг друга значения, отражающие в совокупности взаимообусловленные грани (ипостаси) экономики: экономика как научно-образовательная дисциплина (экономическая теория); хозяйственная практика (реальная экономика); система ключевых установок развития экономики (экономическая политика); организационно-управленческие механизмы реализации экономической политики (управление экономикой) (см.: Клейнер, 2015). Из контекста обычно становится ясно, о какой экономике идет речь.

Понятие «системный» также отличается неоднозначностью, однако под системностью обычно понимают непротиворечивость, согласованность, пропорциональность, последовательность, устойчивость и т. п. (см. выше). Подобные требования мы вправе предъявлять и к экономической теории, и к экономической политике, и к управлению экономикой, и — самое важное — к реальной экономике. Нет нужды доказывать отсутствие этих качеств у современной российской экономики: дифференциация регионов, диспропорции отраслевой струк-

туры, социальное расслоение, межпериодная волатильность хорошо известны. Чтобы преодолеть эти явления, необходимо разработать и реализовать стратегические планы социально-экономического развития, применить на практике закон о промышленной политике на федеральном и региональном уровнях и т. п. Стратегические планы социально-экономического развития должны быть органически соединены со стратегическими планами административно-политического развития страны. В качестве обобщенной характеристики желаемого состояния экономики можно говорить о системности экономики, понимая под этим внутреннюю и внешнюю сбалансированность хозяйства, согласованность экономической политики, эффективность управления и непротиворечивость экономической теории. В контексте системной парадигмы, сформулированной Я. Корнаи (Kornai, 1998; рус. пер. см. в: Корнаи, 2002) на рубеже XX и XXI вв. и активно развиваемой сегодня (см.: Клейнер, 2002; 2007; 2013а), внимание концентрировалось главным образом на продвижении к системной экономической теории (Клейнер, 2013а), системной экономической политике (Клейнер, 2007) и системном управлении экономикой (Клейнер, 2013с). В данной работе мы исследуем путь к системной экономике как хозяйственной реальности, опираясь на представление о динамике организационно-экономических укладов общества и формирующиеся в настоящее время тенденции в экономике, технике и социальной сфере.

Из сказанного следует, что программа развития экономики в ближайшие десятилетия должна быть ориентирована на управление процессами создания, взаимодействия, координации и трансформации социально-экономических и административно-политических систем. Предстоит решить проблемы их субъектности и идентификации, ответственности и прерогатив. Необходимо определить факторы развития или торможения экономической деятельности систем, исследовать особенности ценообразования в экономике, где ключевыми акторами выступают социально-экономические системы. Программа движения к системной экономике включает развитие экономической теории, экономических институтов, организационно-управленческих механизмов и особого «системного» мировоззрения.

Список литературы / References

- Абалкин Л. (2007). Экономическая история СССР. М.: Инфра-М. [Abalkin L. (2007). *Economic history of the USSR*. Moscow: Infra-M. (In Russian).]
- Белов П. (2010). Бессистемность, бесконтрольность и вседозволенность // Свободная экономика. № 10 (1618). С. 35–44. [Belov P. (2010). Unsystematic, lack of control and permissiveness. *Svobodnaya Ekonomika*, No. 10 (1618), pp. 35–44. (In Russian).]
- Гайдар Е. Т. (ред.) (2008). Экономика переходного периода. М.: Дело. [Gaydar E. T. (ed.) (2008). *Economy of the transition period*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Клейнер Г. (1996). Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. № 4. С. 28–34. [Kleiner G. (1996). The modern economy of Russia as an “economy of individuals”. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 28–34. (In Russian).]

- Клейнер Г. (2002). Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. № 10. С. 47–69 [Kleiner G. (2002). System paradigm and the theory of the enterprise. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 47–69. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2004). Наноэкономика // Вопросы экономики. № 12. С. 70–93. [Kleiner G. (2004). Nanoeconomics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 70–93. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2007). Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. № 2. С. 141–149; № 3. С. 99–114. [Kleiner G. (2007). System paradigm and economic policy. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 2, pp. 141–149, No. 3, pp. 99–114. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2008). Стратегия предприятия. М.: Дело. [Kleiner G. (2008). *Enterprise strategy*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2013а). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. № 6. С. 4–28. [Kleiner G. (2013a). System economics as a platform for development of modern economic theory. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 4–28. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2013b). Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. № 10. С. 4–27. [Kleiner G. (2013b). What kind of economy does Russia need and for what purpose? (An attempt of system analysis). *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 4–27. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2013c). Системные принципы современного управления // Управление. № 2. С. 5–14. [Kleiner G. (2013c). System principles of modern management. *Upravlenie*, No. 2, pp. 5–14. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2015). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) // Вопросы экономики. № 12. С. 107–123. [Kleiner G. (2015). Sustainability of Russian economy in the mirror of the system economic theory (Part 1). *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 107–123. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2016а). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 2) // Вопросы экономики. № 1. С. 117–138. [Kleiner G. (2016a). Sustainability of Russian economy in the mirror of the system economic theory (Part 2). *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 117–138. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2016b). Системная координация в экономике: к становлению общей теории координации // Новые исследования в гетеродоксальной экономике: российский вклад / Под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной. М.: ИЭ РАН. С. 177–194. [Kleiner G. (2016b). Systemic coordination in the economy: To the development of a general theory of coordination. In: V. I. Maevsky, S. G. Kirdina (eds.). *New research in the heterodox economy: The Russian contribution*. М.: Institute of Economics, RAS, pp. 177–194. (In Russian).]
- Корнай Я. (2002). Системная парадигма // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23. [Kornai J. (2002). The system paradigm. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 4–23. (In Russian).]
- Львов Д., Гребенников В., Устюжанина Е. (2001). Концепция национального имущества // Вопросы экономики. № 7. С. 139–149. [Lvov D., Grebennikov V., Ustyuzhanina E. (2001). The concept of national property. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 139–149. (In Russian).]
- Макаров В. (2010). Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас. [Makarov V. (2010). *Social clusterism. The Russian challenge*. Moscow: Business Atlas. (In Russian).]
- Найт Ф. Х. (2009). Этика конкуренции. М.: Эком. [Knight F. H. (2009). *Ethics of competition*. М.: Эком. (In Russian).]
- Нуреев Р. (ред.) (2003). Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). М.: МОНФ. [Nureev R. (ed.) (2003). *Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis)*. Moscow: MONF. (In Russian).]
- Тамбовцев В. (2017). Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? // Вопросы экономики. № 5. С. 29–44. [Tambovtsev V. (2017). Does industrial policy need theoretical justifications? *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 29–44. (In Russian).]

- Устюжанина Е. (2006). Проблемы развития отношений собственности в современной российской экономике. М.: ГУУ. [Ustyuzhanina E. (2006). *Problems of development of property relations in the modern Russian economy*. Moscow: GUU. (In Russian).]
- Федоров В. (2009). Западная экономика: бессистемность вместо циклов // Современная Европа. № 2. С. 5–17. [Fyodorov V. (2009). Western economy: Unsystematic instead of cycles. *Sovremennaya Evropa*, No. 2, pp. 5–17. (In Russian).]
- Dzarasov R. (2014). *The conundrum of Russian capitalism: The post-Soviet economy in the world system*. London: Pluto Press.
- Honore A. (1961). Ownership. In: A. W. Guest (ed.). *Oxford essays in jurisprudence*. Oxford: Oxford University Press, pp. 107–147.
- Kornai J. (1998). *The system paradigm*. William Davidson Institute Working Papers Series, No. 278. William Davidson Institute at the University of Michigan.
- Mintz B., Schwartz M. (1985). *The power structure of American business*. Chicago: University of Chicago Press.
-

From the economy of individuals to systemic economy

George Kleiner^{1,2}

Author affiliation: ¹ Central Economics and Mathematics Institute, RAS;

² Financial University under the Government of RF (Moscow, Russia).

Email: george.kleiner@inbox.ru

The article examines the evolution of the main features of the Russian economy in terms of the types of key actors of economic development. The concept of the general actor as the predominant type of relatively independent socio-economic subsystems that determine the impact on the functioning of the national economy is introduced. The movement of the economy from “the state economy” to “the economy of individuals” and further to “the economy of socio-economic and administrative-political systems” is traced. The preconditions for the transition of the national economy to the phase of the systemic economy as the harmonic economy with high-level coordination of various-scale and various-quality subsystems of the economy and society are noted.

Keywords: key actors, general actor, economy of individuals, economy of socio-political systems, systemic economy.

JEL: E02, E03.